

Научная статья

УДК 347.13

doi: 10.47475/2618-8236-2022-17204

Вопросы признания молчания в качестве согласия на совершение сделки (в разрезе допустимых источников регулирования)

Юрий Сергеевич Поваров

*Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева, Самара, Россия
cl-su@mail.ru*

Аннотация. Автор, раскрыв законодательную модель решения вопроса об условиях рассмотрения молчания в качестве надлежащего способа согласования совершения сделки, исследует проблему (не)рациональности расширения набора источников соответствующей регламентации; в частности, обосновывается вывод о целесообразности допущения не только централизованного, но и децентрализованного (соглашением сторон и пр.) регулирования на данный счет.

Ключевые слова: молчание, согласие на совершение сделки, выражение воли совершить сделку, акцепт, закон и иной правовой акт, децентрализованное регулирование

Для цитирования: Поваров Ю. С. Вопросы признания молчания в качестве согласия на совершение сделки (в разрезе допустимых источников регулирования) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, вып. 2. С. 24–29. doi: 10.47475/2618-8236-2022-17204.

Original article

Issues of recognizing silence as a consent to make a transaction (in the context of acceptable sources of regulation)

Yuriy Sergeevich Povarov

*Samara National Research University named after akad. S. P. Korolev, Samara, Russia
cl-su@mail.ru*

Abstract. The author, having revealed the legislative model for resolving the issue of the conditions for considering silence as an appropriate way to agree on a transaction, explores the problem of (ir)rationality of expanding the set of sources of relevant regulation; in particular, the conclusion about the expediency of allowing not only centralized, but also decentralized (by agreement of the parties, etc.) regulation on this account is substantiated.

Keywords: silence, consent to make a transaction, expression of will to make a transaction, acceptance, law and other legal act, decentralized regulation

For citation: Povarov YuS. Issues of recognizing silence as a consent to make a transaction (in the context of acceptable sources of regulation). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2022;7(2):24-29. doi: 10.47475/2618-8236-2022-17204.

Гражданский кодекс РФ (ГК РФ), не подвергая комплексной регламентации аспект допустимых способов выражения санкционирующего совершение сделки волеизъявления, счел необходимым указать на то, что молчание не воспринимается в качестве надлежащего разрешительного акта, кроме случаев, установленных законом (см. п. 4 ст. 157.1). Таким образом, современная *законодательная модель* фундируется на следующем:

1) *Стандартным* является положение вещей, при котором *молчание* (причем «даже когда оно имеет целью продемонстрировать волю» [9. С. 75]) *не признается* легитимным (способным вызвать юридически значимые эффекты) вариантом проявления воли лицом, чье согласие испрашивается; поэтому, в частности, когда лицо не ответило на запрос стороны сделки в разумный срок, *считается, что в даче согласия отказано*, что, естественно, не пре-

пятствует в дальнейшем выражению согласия на совершение сделки или ее последующему одобрению (см. п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹; далее — ППВС № 25).

В адекватности означенного постулирования сложно усомниться, ибо оно в полной мере корреспондирует задаче *обеспечения правовой определенности* (а на «макроуровне» — цели поддержания стабильности гражданского оборота); как верно подчеркивает на сей счет А. Бычков, «широкое приращение молчанию правового значения нежелательно, так как это могло бы привести к неопределенности имущественного оборота и возникновению спорных и конфликтных ситуаций» [1. С. 13]. Любопытным и символичным в этом плане оказывается проведение параллелей с литературным творчеством: если для последнего весьма характерно активное использование в качестве актуального художественного приема свойства молчания «говорить о чем-то» («...молчание слышимо потому, что оно — *говорящее*»)² [7. С. 68], то в юриспруденции молчанию, напротив, довольно редко придается качество надежного (вызывающего должное доверие) источника распознавания воли и, если угодно, транслятора юридических «смыслов» (сверх того, в определенных случаях молчание априорно неприемлемо — так, стоит солидаризироваться с Ю. В. Виниченко и Ю. Д. Никитиной в том, что «посредством молчания не могут совершаться односторонние сделки, являющиеся *единственно* достаточным основанием для наступления правовых последствий (соответственно, допустимы только... “молчаливые” односторонние сделки, которые входят в состав *сложного* юридического факта)» [2]).

Надо сказать, что применение разбираемой нормы гражданско-правового кодификационного акта не вызывает серьезных затруднений на практике. Общее правило об упречности квалификации молчания как согласия в целом последовательно и единообразно проводится судами: так, *неответ* страховщика на запрос потерпевшего о проведении восстановительного ремонта на выбранной им станции техобслуживания, с которой у страховщика

отсутствует договор, как резонно разъясняет Пленум Верховного Суда РФ в п. 63 Постановления от 26 декабря 2017 года № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»³, в силу п. 4 ст. 157.1 ГК РФ считается *отказом в даче согласия*; по одному из казусов суд авторитетно заключил, что «*молчание* одного из проживающих в квартире лиц на предложение других об участии в приватизации или об отказе в участии в ней *не свидетельствует* о том, что им выражена соответствующая воля...» (Определение Московского городского суда от 3 июля 2014 года № 4г/8-6509⁴).

2) *Отход* от обозначенного «шаблонного» правила (знаменующий в известной степени отказ от избыточного формализма в праве) все-таки принципиально *возможен*, но лишь *при наличии специальной законодательной оговорки*; по сути, как справедливо подмечает С. А. Сеницын, в п. 4 ст. 157.1 ГК РФ «речь идет об *исключительных*, лимитированных непосредственно законом правилах, которые являются специальными, поименно регулируются законодателем в качестве “особого случая” с учетом *специфики правоотношения*...» [8. С. 108].

Интересно, что изначальный законопроект о внесении изменений и дополнений в ГК РФ, разработанный на базе Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 года)⁵, вообще не допускал использование молчания в качестве инструмента согласования совершения сделки (правило о том, что «молчание не считается согласием», формулировалось *безальтернативно*). Итоговое «смягчение» позиции с учетом видовой многообразия согласий и, как следствие, «разветвленности» соответствующей нормативной базы видится вполне здравым; помимо прочего, оно учитывает текущее нормирование, ситуативно допускающее оценку молчания именно как знака согласия с совершением лицом (лицами) определенных юридических действий (например, в силу п. 2 ст. 898 ГК РФ *несообщение*

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

² Здесь и далее курсив в цитатах наш. — Ю. П.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

⁴ Здесь и далее казусы из судебной практики приводятся из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

поклажедателем в определенный срок о своем несогласии на чрезвычайные расходы хранителя¹ считается согласием — здесь пассивность адресата запроса оценивается в качестве утвердительного ответа; ст. 61 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»² устанавливает, что если Банк России *не сообщил* о принятом решении в течение 30 дней со дня получения соответствующего ходатайства, то соответствующая сделка является согласованной; Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»³ в п. 10 ст. 21 недвусмысленно легализует возможность согласования перехода доли в уставном капитале третьему лицу в формате *бездействия* остальных участников компании).

Итак, на основании п. 4 ст. 157.1 ГК РФ бездействие де-юре сигнализирует о «положительном» волеизъявлении промолчавшего лица в исключительных (и четко предписанных) случаях. *Аналогичный* (по существу, но не в деталях!) *подход* выводится законодателем в отношении:

- *выражения воли совершить сделку* — в соответствии с п. 3 ст. 158 ГК РФ молчание *признается* такого рода волеизъявлением в случаях, предусмотренных *законом или соглашением* сторон;
- *акцепта* (как обязательной стадии заключения договора) — в силу п. 2 ст. 438 ГК РФ мол-

¹ Попутно заметим, что примеров наступления правового эффекта (продлонгация договора и т. д.) между участниками ранее заключенного договора при бездействии одной или всех сторон немало. См., в частности, п. 4 ст. 468 (несообщение покупателем об отказе от товаров, не соответствующих условию об ассортименте, означает их принятие), п. 2 ст. 540 (незаявление сторонами о прекращении или изменении договора энергоснабжения с определенным сроком либо о заключении нового договора приводит к продлению соглашения на тот же срок и на тех же условиях), п. 2 ст. 621 (отсутствие возражений у арендодателя при продолжении пользования имуществом после истечения срока договора аренды знаменует возобновление договора на тех же условиях, но на неопределенный срок), п. 3 ст. 995 (незаявление комитентом о нежелании принять покупку по несогласованной цене влечет признание покупки принятой), п. 2 ст. 1016 ГК РФ (отсутствие заявления одной из сторон о прекращении договора доверительного управления имуществом опосредует автоматическое продление соглашения).

² Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790 (с послед. изм. и доп.).

³ Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785 (с послед. изм. и доп.).

чание *не является* акцептом, если иное не вытекает из *закона, соглашения сторон, обычая или из прежних деловых отношений* сторон.

Между тем легко обнаруживаемы некоторые различия в регламентации. Прежде всего неодинаковым оказывается редакционное воплощение тезиса «молчание не есть знак согласия»: в п. 4 ст. 157.1 и п. 2 ст. 438 ГК РФ данная установка словесно выражается по принципу общего отрицания, тогда как в п. 3 ст. 158 ГК РФ — посредством фиксации исключительности соответствующей квалификации молчания; следовательно, в одном случае, как точно констатирует Т. В. Дерюгина, «предложение построено как отрицательное, а во втором как утвердительное» [З. С. З]. Приведенные разночтения не порождают больших интерпретационных проблем (что, правда, не мешает усомниться в целесообразности задействования диаметрально противоположных редакционных подходов) — смысловая идентичность сравниваемых законоположений (не легитимность по общему правилу рассмотрения молчания в качестве согласия) достаточно прозрачна.

Намного более значимой выступает *неожиданность законодательных конструктов в части определения набора источников установления отступлений от общего правила*: если в п. 4 ст. 157.1 ГК РФ к ним причислен только закон, то в п. 3 ст. 158 ГК РФ — также соглашение сторон, а в п. 2 ст. 438 ГК РФ — еще и обычай, и даже ранее сложившиеся между контрагентами деловые отношения. В свете сказанного проблематика (не)обоснованности кардинального сужения круга случаев, при которых молчание считается согласием на совершение сделки, до установленных лишь *законом* случаев (п. 4 ст. 157.1 ГК РФ) предполагает в том числе исследование вопроса о (не)рациональности диверсификации в обсуждаемых нормативных предписаниях перечней источников фиксации изъятий (хотя, конечно, на нем не замыкается).

В первую очередь не может не обратить на себя внимание отсутствие в п. 4 ст. 157.1 ГК РФ упоминания о *соглашении сторон*. Это (в сопоставлении с предписаниями п. 3 ст. 158 и п. 2 ст. 438 ГК РФ) явно опосредует толкование, при котором возможность децентрализованной регламентации названного момента (невзирая на принципы диспозитивности, свободы договора и т. п.) отвергается; такая трактовка, как известно, стала почти общепринятой в науке (в частности, В. В. Долинская, сравнивая п. 4 ст. 157.1 и п. 3 ст. 158 ГК РФ, беспочвенно

подчеркивает, что для квалификации молчания как согласия на совершение сделки волеизъявление сторон *исключается* [5]).

Тем не менее изучаемые нормативные тексты иногда подвергаются критике. Так, Т. В. Дерюгина в целом небеспричинно задается вопросом: «...Почему две *практически одинаковые* нормы следуют друг за другом? Является ли это ошибкой...?» (ведь «согласие... описанное в ст. 157.1 ГК РФ, по своей... природе является сделкой... из чего следует распространение на нее и норм, заложенных в ст. 158 ГК РФ», а потому, резюмирует ученый, «использованный законодателем прием лексических повторов неэффективен, так как субъекты толкования пытаются усмотреть скрытый смысл в исследуемых правилах...» [3. С. 3–4]).

Очевидным «оправданием» помещения в ст. 157.1 ГК РФ положений о молчаливом согласии, пожалуй, служит то обстоятельство, что далеко не всем охватываемым институтом согласия на совершение сделки «санкциям» (имея в виду прежде всего разномобразии субъектов их дачи) присуща сделочная природа (скажем, согласия, исходящие от органов публичной власти, являются не сделками, а административными актами)¹; более того, рискнем предположить, что обсуждаемое «точечное» нормирование было во многом продиктовано отсутствием устоявшихся представлений о правовой сущности согласия на совершение сделки, даваемого третьим лицом (сделка, иной юридический акт либо вообще поступок) на момент осуществления модернизации гражданского законодательства.

Изложенное, однако, не снимает полностью с повестки дня вопрос о сопряжении требований п. 4 ст. 157.1 и п. 3 ст. 158 ГК РФ в приложении к согласию *третьего лица* (физического или юридического), сделочная интерпретация которого на сегодняшний день получила весомую поддержку, в том числе со стороны судебной системы (см., напр., п. 50 ППВС № 25). Хотя в контексте правил п. 4 ст. 157.1 ГК РФ субъект молчания не становится участником подтверждаемой сделки (в то время как п. 3 ст. 158 ГК РФ посвящен «молчаливому» механизму вхождения в сделку), анализируемые законоположения могут и пересекаться, например, если речь идет о необходимости дачи лицом (причем в силу закона!) согласия своему *контрагенту*

по договору (а значит, отношения между ними подвергаются и *индивидуальной* регламентации!) на совершение сделки с иным субъектом (см. п. 2 ст. 615, п. 1 ст. 685 ГК РФ и пр.).

В *формально-юридическом* срезе наименее ущербной все-таки видится трактовка, при которой *предпочтение надлежит отдавать специальной норме*; то есть п. 4 ст. 157.1 ГК РФ — даже применительно к согласию, являющемуся сделкой, — вытесняет действие п. 3 ст. 158 ГК РФ, вследствие чего признание молчания согласием не может опираться на соглашение сторон (данное суждение, помимо прочего, укладывается в логику экстраполяции правил ст. 157.1 ГК РФ только на согласия, требуемые в силу закона). Вместе с тем сбалансированность такого подхода (притом что субъект дачи согласия, повторим, может находиться с лицом, испрашивающим согласие, в договорных отношениях) не кажется аксиоматичной; думается, что *по крайней мере в установленных законом случаях децентрализованное регулирование* (прежде всего соглашением сторон, а применительно к режимам согласования органами юридического лица — уставом) *является уместным* (полезным) и гармоничным. Заметим, что некоторые авторы также признают (прямо или косвенно) разумность подобного состояния дел: например, А. Бычков пишет о *договорном* регулировании касаясь восприятия молчания не только как выражения воли на совершение сделки, а и как согласия на совершение сделки (правда, без обстоятельного пояснения своей позиции) [1. С. 13]; сторонником точки зрения, в соответствии с которой «молчание может быть признано согласием на совершение сделки в случаях, прямо предусмотренных законом или *договором*», является Е. В. Дятлов [6].

В п. 4 ст. 157.1 ГК РФ (как, впрочем, и в п. 3 ст. 158, п. 2 ст. 438 ГК РФ) *не предусматривается возможность закрепления исключений в других, нежели закон, правовых актах*. С одной стороны, это коррелирует с сознательной установкой законодателя на ограничение сферы действия института согласий на совершение сделки ситуациями получения согласия, требуемого в силу закона (см. п. 2 ст. 157.1 и ст. 173.1 ГК РФ)², о чем мы уже

¹ Подробнее об этом, в частности, см.: Поваров Ю. С. Согласие третьего лица на совершение сделки: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2018. С. 20–42.

² С учетом этого игнорирование разрешительного порядка, введенного подзаконным нормативным актом, не может служить основанием для инвалидации совершенной сделки со ссылкой на ст. 173.1 ГК РФ (см. п. 90 ППВС № 25).

говорили. С другой стороны, рестрикция выглядит несколько странной в русле того, что корректировка применяемых на субсидиарной основе правил ст. 157.1 ГК РФ может быть произведена не только законом, а и иным *правовым актом* (см. п. 1 ст. 157.1 ГК РФ). Выявленный диссонанс едва ли бесспорно преодолим в рамках формально-логического анализа законоположений (принимая, среди прочего, во внимание универсальный характер содержащегося в п. 1 ст. 157.1 ГК РФ нормативного «циркуляра»).

Затронутая проблема не является надуманной, яркое свидетельство тому — присутствие судебных споров по поводу (не)правомерности подзаконной регламентации обсуждаемого ракурса. Так, в ходе рассмотрения Верховным Судом РФ административного искового заявления о признании недействующим п. 8 (17) Правил обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 12 ноября 2016 года № 1156, предметом анализа стал аргумент заявителя о превышении государственным органом своих полномочий при нормировании им условий и порядка «автоматического» заключения договора на оказание соответствующих услуг (ненаправление потребителем в установленный срок заявки и др.), поскольку, в частности, на основании

п. 5 ст. 3 и п. 2 ст. 438 ГК РФ «акцепт путем молчания не может быть предусмотрен *подзаконными* нормативными актами». Суд, заметим, не усмотрел каких-либо противоречий, сославшись на то, что п. 8 (17) названных выше правил всего лишь «конкретизирует условия, при выполнении которых договор... считается заключенным, направлен на обеспечение принципов стабильности... оборота и свободы договора». Данное заключение, особенно в части *противоположения* норм, конструирующих упрощенный механизм признания договора заключенным при бездействии контрагента, нормам о юридико-фактической роли молчания, довольно полярно; кроме того, оно рельефно сигнализирует о высокой значимости внятного установления соотношения и, как следствие, «линий взаимодействия» понятий «молчание» и «бездействие»¹ (ибо вполне понятно, что названные категории, несмотря на сопряжение охватываемого ими контента, не являются семантически разнозначными).

¹ В доктрине, напомним, доминирует подход к пониманию молчания как формы бездействия, но с этим согласны не все авторы (к примеру, Д. Д. Джумагулов разводит означенные феномены, указывая, помимо прочего, на то, что в отличие от молчания «бездействие приобретает юридическое значение, когда есть обязанность действовать» [4. С. 164–165]).

Список источников

1. Бычков А. Молчание — вовсе не знак согласия // ЭЖ-Юрист. 2015. № 25.
2. Виниченко Ю. В., Никитина Ю. Д. О значении молчания в российском гражданском праве // На логи. 2010. № 12. С. 20–24.
3. Дерюгина Т. В. Языковые средства введения в заблуждение или мнимые дозволения в конструкциях гражданско-правовых договоров // Гражданское право. 2020. № 6. С. 3–7.
4. Джумагулов Д. Д. Молчание: юридическая природа и значение при приобретении цифровых продуктов // Закон. 2021. № 2. С. 162–170.
5. Долинская В. В. Согласие на совершение сделки: проблемы законодательства и доктрины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 3–12.
6. Дятлов Е. В. Согласие как юридический факт в российском и немецком гражданском праве // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 29–32.
7. Корниенко М. А. Молчание как дискурс смысла // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 67–71.
8. Сеницын С. А. Numerus clausus и субъективные права: понятие, значение, взаимосвязь // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 2. С. 100–147.
9. Ширвиндт А. М. Актуальные вопросы представительства. Комментарий к п. 122–132 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 61–144.

References

1. Bychkov A. Silence is not a sign of consent at all. *EZh-Iurist = Ezh-Lawyer*. 2015;(25).
2. Vinichenko YuV, Nikitina YuD. On the meaning of silence in Russian civil law. *Nalogi = Taxes*. 2010;(12):20-24. (In Russ.).
3. Deryugina TV. Linguistic Means of Misleading or Imaginary Permissions in the Constructions of Civil Law Contracts. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*. 2020;(6):3-7. (In Russ.).
4. Dzhumagulov DD. Silence: legal nature and significance in the acquisition of digital products. *Zakon = Law*. 2021;(2):162-170. (In Russ.).
5. Dolinskaya VV. Consent to the transaction: problems of legislation and doctrine. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2014;(12):3-12. (In Russ.).
6. Dyatlov EV. Consent as a legal fact in Russian and German civil law. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International public and private law*. 2014;(1):29-32. (In Russ.).
7. Kornienko MA. Silence as a discourse of meaning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*. 2020;(4):67-71. (In Russ.).
8. Sinitsyn SA. Numerus clausus and subjective rights: concept, meaning, relationship. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2014;14(2):100-147. (In Russ.).
9. Shirvindt AM. Topical issues of representation. Commentary on paragraphs 122-132 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 № 25 "On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation". *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2015;(12):61-144. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. С. Поваров — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права.

Information about the author

Yuriy S. Povarov — Candidate degree in law, Associate professor of Department of Civil and Business Law.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 24.05.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 24.05.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.